

Глава 25. Двадцать пять

Никто не мог предположить, что всё закончится именно так.

Когда Хуан Дацай с самодовольной ухмылкой поинтересовался у Ю Чжилая, не хочет ли тот лично свести счёты, — он ничуть не беспокоился о судьбе сына. Скорее, надеялся, что Ю Чжилай от злости даст волю рукам.

Расчёт был прост: если Ю Чжилай причинит Хуан Чэнлоу какой-нибудь вред, тот, чтобы избежать судебного разбирательства и скандала в прессе, непременно предложит откупные. А вот тогда и можно хорошенько подумать, что потребовать в обмен на молчание.

Ресурсы, которые утекали из рук клана Ю и клана Бай, — даже крупницы хватило бы, чтобы его компания кормилась долгие годы.

Хуан Дацай был уродлив снаружи — и мечтал красиво.

Вот только Ю Чжилай даже не удостоил его взглядом. Прямо перед ним он набрал номер полиции и сообщил, что в школе родитель применил физическое насилие.

— Я бью собственного сына! Что в этом такого?! — Хуан Дацай кинулся выхватить телефон, но охранник, скользнув в дверь, мгновенно прижал его к полу, заломив руки за спину.

Хуан Дацай с трудом поднял голову и завыл:

— Господин Ю, это недоразумение, недоразумение! Я же именно хотел перед вами извиниться — вот и дал Сяо Лоу по башке, чтоб знал своё место! Ну зачем же полицию-то вызывать!

Что бы он ни говорил — никто в кабинете не отозвался. Директор Чжан и учитель Сяо Мэй тоже не ожидали подобного поворота.

По всей школе, из соображений безопасности, были расставлены камеры — включая кабинет директора. Дождавшись полицейских, все дали показания; следователи забрали запись. Хуан Дацай был задержан за физическое насилие в отношении несовершеннолетнего.

Хуан Чэнлоу медики бережно уложили на носилки и увезли в карете скорой помощи. Учитель Сяо Мэй, хотя и не была его классным руководителем, поехала следом из чувства ответственности за ребёнка — ждать в больнице, пока не приедет его мать.

Бай Сюэцин бросила взгляд на пятно крови, оставшееся на полу кабинета, наклонилась и, обняв обоих детей за плечи, мягко развернула их к выходу.

Длинные волосы убраны высоко волнами, полосатая шёлковая блуза, широкие брюки в тон, туфли на десятисантиметровой шпильке — весь облик дышал собранностью и деловитостью, воплощённый образ женщины, привыкшей всё держать в руках.

Но сейчас, посреди коридора, она опустилась на корточки совершенно непринуждённо, нежно притянула обоих детей к себе и тихо спросила:

— Малыши, не напугались сегодня?

Бай Сюэцин по очереди поцеловала в щёчки Ю Лу и Чэнь Шуе.

Ю Лу скорчил обиженную мину и закивал:

— Угу.

Одной рукой он цеплялся за рукав маминой блузки, другой — крепко держал Чэнь Шуе за ладонь.

Повернув голову, он посмотрел на него блестящими глазами:

— Брат Сяо Е тоже перепугался, да? — тихонько спросил он — того самого Чэнь Шуе, который только что бросился вперёд, заслонив его собой, едва Хуан Дацай вошёл в раж.

Чэнь Шуе, всё это время державший спину прямо, как натянутая струна, медленно выдохнул и сказал:

— Папа Хуан Чэнлоу такой страшный. — Он прижался к Ю Лу и добавил вполголоса: — Оказывается, когда взрослые злятся — это так ужасно.

Бай Сюэцин растрепала обоим волосы:

— Тогда попросим дядю Юня приготовить вечером что-нибудь вкусненькое — чтобы страх прошёл. А сейчас поедem домой, хорошо?

— Я тоже еду домой? — Чэнь Шуе прижался к Ю Лу, крепко обнимая обожаемого братца-оленёнка. — Тётя Бай, можно мне сегодня остаться у вас? Мне немного страшно, хочу поспать вместе с Лу-лу.

Сегодня Чэнь Шуе и правда перепугался всерьёз.

Стоило ему ненадолго отойти от Ю Лу — и тот чуть не попал в беду. А потом он видел, как Хуан

Чэнлоу бьют до крови, — воспоминание никак не отпускало, тревога не унималась.

Бай Сюэцин улыбнулась, глядя на напряжённое личико Чэнь Шуе:

— Улыбнись тётё Бай — тогда соглашусь.

При этих словах маска невозмутимости дрогнула. Он посмотрел на Бай Сюэцин, потом на Ю Лу — и против воли расплылся в улыбке.

В глазах Ю Лу эта улыбка выглядела немного нелепой, зато удивительно чистой. Зелёные глаза Чэнь Шуе словно светились изнутри, отражая его лицо.

Бай Сюэцин улыбнулась в ответ, легонько провела пальцем по безупречно прямому носу Чэнь Шуе:

— Тётя Бай согласна. Идём, домой!

Она поднялась и протянула ладони по обе стороны — две маленькие ручки мягко легли в них.

— Тётя Бай, можно я позвоню маме? Она же будет волноваться. — Чэнь Шуе запрокинул голову, глядя на неё.

— Тётя Бай сама всё маме расскажет, не беспокойся.

Трое — один большой и двое маленьких — зашагали рука об руку навстречу Ю Чжилаю, который ждал их у выхода, и переглянулись с улыбкой.

Оба малыша уже отошли от недавнего испуга. Под небом, медленно заливавшимся вечерним алым, они скакали и прыгали по ровным плиткам дорожки. Лёгкая дымка — та, что бывает в начале осени, — рассеивалась под порывами ветра. Простая радость, пронизанная сладким цветочным ароматом, окутывала их, устилая путь домой.

***

Перед сном оба малыша вместе приняли душистую ванну.

Дядя Юнь установил рядом с ванной специальную подставку — на неё поставил любимый черничный чизкейк Ю Лу и любимые шоколадные брауни Чэнь Шуе.

Сегодняшняя бомбочка для ванны была синей, с запахом морской соли; казалось, огромная ванна превратилась в кусочек прозрачного океана. В воздухе плыло что-то между лимоном и

кедром, а сквозь это — тихая лавандовая нотка.

Покончив с десертами и облизав губы, оба удобно расселись в воде. Мокрые руки лежали на краю ванны; они смотрели, как клубится пар в свете ламп, лениво погружившись каждый в свои мысли.

— Как ты думаешь, какой на вкус морская соль? Солёная? — вдруг любопытствовал Чэнь Шуе.

Мокрые чёрные пряди слиплись на щеках, делая кожу ещё белее. Он подвинулся ближе к Ю Лу, прислонившись к его руке.

Ю Лу лениво развалился на краю ванны, подперев подбородок пухлыми ладошками, довольно зажмурившись. Мокрые волосы рассыпались по спине.

Услышав вопрос, он хитро прищурился в сторону брата Сяо Е:

— Малыш не знает~ А почему бы брату Сяо Е самому не попробовать?

Детское любопытство — его непременно нужно удовлетворять, не правда ли?

— Ага. — Чэнь Шуе, как всегда, не перечил Ю Лу. Он зачерпнул ладошками голубоватую воду, высунул язык и лизнул. — У-у-у...

Черты лица — почти совершенные — страдальчески сморщились.

— Вкусно, да, братик? — Ю Лу привалился щекой к согнутой руке и уставился, как лицо Чэнь Шуе искажается в гримасе, — уголки рта у него ехидно приподнялись. — И какой же всё-таки вкус у морской соли?

— Тьфу-тьфу-тьфу, какая гадость! Малыш пить не будет. — Чэнь Шуе показал язык, разжал ладони — синяя вода утекла сквозь пальцы, не оставив следа.

Он наморщил лоб, пытаясь воскресить в памяти ощущение и хоть как-то его описать, — но вкус был неуловимым, и ни одно подходящее слово так и не нашлось.

Чэнь Шуе несколько секунд смотрел на покачивающуюся воду, потом — совершенно непостижимым образом — снова зачерпнул её ладошками и широко открыл рот, явно намереваясь влить в себя побольше за один раз.

Он простодушно рассуждал: если как следует попробует — сможет наконец описать вкус Лу-лу.

Тогда тот сам не будет пить эту странную воду и всё равно узнает, какова на вкус морская соль.

— Брат, ты что делаешь?! — Ю Лу воззрился на него с изумлением, хлопнул ладошкой по его рукам — вода разлетелась брызгами. — Ты не боишься отравиться? Это же вода, в которой мы моемся!

Капли попали Чэнь Шуе на лицо.

Он усмехнулся и объяснил:

— Лу-лу же хочет знать, какой это вкус? Если выпью побольше — смогу тебе рассказать.

— Дурак. — Ю Лу смотрел на улыбающегося крутого братика и едва слышно пробормотал себе под нос.

— Лу-лу, что ты сказал? — не расслышал Чэнь Шуе и снова потянулся к воде.

— Я! Сказал! Брат! Сяо! Е! Ду! Рак! — Ю Лу отчеканил каждый слог с богатырской силой в голосе, отчего Чэнь Шуе застыл столбом.

— П-почему?! — Тот смотрел на маленького оленёнка с видом полнейшей обиды: за что его, спрашивается, ругает самый любимый, самый драгоценный братик?

— Чужое — в рот не тащи! Незнакомое — не пей! Помрёшь ещё! Дурак Сяо Е! — Ю Лу схватил его за ухо — уже порозовевшее от горячей воды — и потянул, наставляя на путь истинный этого совершенно безбашенного типа. — Понял?!

Кстати, у этого дурака уши удивительно мягкие — тянешь, будто без костей. Приятно щипать.

— П-понял. — Чэнь Шуе моргнул и расплылся в дурацкой улыбке. — Лу-лу за меня беспокоится, да? Боишься, что брат Сяо Е отравится и помрёт? Не помру.

Ю Лу с каменным лицом выпустил его ухо. Он категорически отказывался признавать, что боится: вдруг однажды, пока он не смотрит, этот дурак съест что попало и сгинет раньше срока. Нет, он просто презирает этого тупицу! Вот и всё! Никакого другого объяснения!

Плюх!

Ю Лу с размаху опустил обе ладони в воду — волна окатила Чэнь Шуе с головы до ног.

— Морской бой!!! — радостно завопил тот.

Намокшие пряди снова лезли в глаза; он отгрёб их ладонью назад, открыв лицо — маленькое, но уже сейчас удивительно правильное: легко было представить, каким красавцем вырастет этот мальчик.

Чэнь Шуе смахнул воду с ресниц и весело принялся брызгаться в ответ.

Теперь уже Ю Лу застыл с открытым ртом: он не ожидал, что тот посмеет. Но оторопь прошла в мгновение ока — и началась настоящая схватка.

Двое детей плескались в ванне, обдавая друг друга волнами, — и смех всё нарастал, перекрывая шум воды, звенел и отражался от стен, заполняя эту тёплую вечернюю тишину, где были только они двое.

Когда оба наконец выдохлись и уставились друг на друга красными от смеха лицами, — невозможно было не улыбнуться: чистой, открытой улыбкой, белой, как облако.

Чэнь Шуе намылил Ю Лу длинные волосы, бережно прошёлся ладошками по мягким светло-каштановым прядям, тщательно смыл пену. После ванны оба вышли рука об руку — как два неразлучных близнеца.

Ю Лу опустил в мягкое кресло, зевнул и потёр глаза. Красивые янтарные глаза подёрнулись сонной поволокой; он уставился на Чэнь Шуе бессмысленным взглядом.

Чэнь Шуе коснулся его мокрых волос, уложил его к себе на колени и принялся тщательно сушить феном.

Он никогда не заботился ни о ком. Только об этом маленьком олене — и только.

Каждый раз, когда он видел это милое личико, внутри что-то теплело. Пальцы скользили в мягких прядях, и одиночество, вечно жившее в нём, отступало, укрытое теплом. Кровь словно превращалась в расплавленную карамель — сладкую, медленную, разливавшуюся по всему телу.

С самого рождения Чэнь Шуе знал, что такое одиночество.

В огромном доме он нередко сидел один в тёмном углу — стоило ему замолчать, и казалось, что он становится невидимым. Что его голос не долетает ни до чьих ушей.

Отец — холодный, строгий, совсем не похожий на тех добрых сказочных пап. Он всегда стоял где-то высоко-высоко, смотрел сверху вниз с застывшим лицом, и от этого взгляда становилось не по себе.

Мать — нежная, чуткая, но хрупкая. Чэнь Шуе давно заметил в ней сходство с собой: по-настоящему расслаблялась она лишь наедине с собой. Обнимала его, тихо напевала, — но взгляд её всегда был где-то далеко-далеко. Тело рядом, а душа — упрятана в темноту, куда никому нет доступа.

Однажды Чэнь Шуе украдкой подглядел, как в её глазах зажигается настоящий свет — когда она закрывала дверь мастерской и оставалась там одна.

Казалось, он явился на свет, уже зная, что такое одиночество, — и был готов нести его всю жизнь.

До тех пор, пока не встретил Ю Лу.

Словно тучи разошлись, и тысячи солнечных лучей упали прямо в его заледеневшее сердце.

Чэнь Шуе опустил взгляд.

На его коленях, тихо посапывая, спал Ю Лу.

Наверное, снилось что-то хорошее: на лице его играла едва заметная улыбка, и на пухлых щёчках обозначились ямочки.

Чэнь Шуе осторожно коснулся кончиком пальца мягкой щеки, ощутил тепло — и тихо улыбнулся.

Спасибо, что ты появился.

<http://bllate.org/book/17465/1659254>